

ПЛАНЕТА ЗВЕЗД

Планета звезд. - 2000 - 9 марта - с 19. - (19(35)).

Продолжение. Начало в № 8 (34)

В нашей семье всегда царила полная гармония.

И только одну-единственную обиду на протяжении долгих лет моя мать не могла простить отцу. Она родилась в Измире, в Турции. Ее девичья фамилия — Багдасарян. Однако в документах, выданных ей парижской префектурой, вместо "Багдасарян" стояло "Пазьян". Вина в этом был отец. Явившись в префектуру, где ему должны были выдать паспорт для жены, он не смог вспомнить ее настоящую фамилию и назвал первую пришедшую на память. Всю жизнь моя мать упрекала его в этом, и каждый раз со слезами на глазах:

— Во время армянской резни я потеряла родителей, братьев, сестер. Мне тогда было пятнадцать лет. С тех пор я никого из них не видала, ни от кого о них не слышала. Все, что у меня осталось от родных — это мое имя. А ты по недостатку памяти, по непротертой беззаботности отнял их у меня во второй раз!

Мой отец, Миша Азнавурян, человек доверчивый и расточительный, родился в Тифлисе, в Грузии. Моя сестра Аида появилась на свет в Салониках.

Мы были семьей армянских эмигрантов. Как и множество других армянских семей, мы оставались привязанными к нашему языку, нашим национальным традициям, нашему фольклору, нашей церкви. То была скромная, целомудренная семья, в которой уживались одновременно трагедия и комедия, чувство юмора и сознание своей неудачливости. У нас любили смеяться и петь, танцевать и плакать. Да, и плакать, потому что армянин, существо чрезвычайно эмоциональное, поддается слезам легко, без усилий. Он может плакать не только от печали, но и от радости. Он может оплакивать не только прошлое, но и будущее. Он плачет на крестинах, на свадьбах и на похоронах.

Армянин любит хороший стол и доброе вино. Не удивляйтесь! Вино у армян — национальный напиток, и любят они его не меньше, чем французы! Праздник без обильной еды, без вина рекой, без песен — это не праздник! Традиция требует, чтобы всякое застолье возглавлял специально избранный "тамада". Тамада — это что-то вроде распорядителя за столом. Без него гости не произнесут ни одного тоста. Никогда, воистину никогда, ни один из сидящих за столом не посмеет ни выпить глотка, ни произнести слова без разрешения на то тамады. И не вино заставляет говорить армянина, нет, это слова побуждают его пить. Вы скажете, что это одно и то же — и ошибетесь!

В этом деле есть один нюанс. Чем изощренней ум тамады, тем больше поводов выпить. Тамада без воображения может оказаться повинным в том, что застолье вместо того, чтобы длиться четыре, пять, а то и восемь часов, закончится через час, что совершенно недопустимо, принимая во внимание обилие яств и количество бутылок.

Мой отец был человеком легкого характера, всегда готовым наполнить свой бокал. Речь его была свободной, образной и поэтичной. И потому в армянском застолье я часто видел его на председательском месте.

Чаще всего это начиналось так: — Я вспоминаю, как в 1903 году... — Папа, в 1903 году тебе было шесть лет!

Отец, у которого всегда была плохая память на даты, почему-то имел особое тяготение к 1903 году. Подите узнайте, почему! Блюда сменялись одно за другим, пустели бутылки, всплывали воспоминания, хором пелись припевы песен, чередовались тосты:

— За нашего дядю в Южной Америке!

— За приятеля комика, который обожает женщин и не выносит Шекспира!

— За тот греческий пароход, который вывез нас из Стамбула!

— За французское правительство, приютившее нас!

— За французский народ и за тех его представителей, которые сегодня здесь, среди нас!

— За мост каменный и за мост деревянный!

Однажды, во время праздничного

обеда по случаю крестин моей дочери Патриции, после девяти часов застолья мой отец совершенно исчерпал источник своего вдохновения в то время, как гости одолели далеко не все бутылки. Будучи на пределе своего воображения, но не желая сдаться, он произнес три последних тоста:

— За воду, за газ, за электричество! Если армянину придет в голову

Наконец наступал день спектакля. Представление, назначенное на девять часов вечера, начиналось в десять, потому что публика являлась не раньше половины десятого. Как и актеры, впрочем.

Участники спектакля, как правило, не имели то времени, то денег, чтобы плотно поесть. Поэтому каждый, проходя мимо накрытого стола, брал что-ни-

концами, обращались за недостающей суммой к тем из зрителей, которые задержались у вешалки. Я это называл "налогом за медлительность".

Разумеется, каждый клялся, что участвует в этом последний раз, и, в конце перессорившись, все расставались, казалось, надолго. Но время стирает огорчения. Не проходило и двух дней, как кто-нибудь из участников шел

пришествием. Я почти ничего не смогу рассказать об этой маленькой фее. Я не запомнил ни цвета ее глаз, ни оттенка волос. Помню только, что влюбился в нее со всей горячностью своих восьми лет. Помню также, что день за днем часами простаивал я у окна, уткнувшись носом в стекло и не сводя глаз с заветного балкона. Зато когда девочка появлялась, я дрожал и от робости не мог произнести ни слова. Впрочем, видел я ее не часто, да и то лишь издали. Однажды, заметив, что она идет по улице за руку с матерью, я схватил клочок бумаги, нацарапал: "Я люблю вас" и, смяв комком, бросил записку к ногам девочки. Я так и не узнал, получила ли моя Дульсинея послание, потому что, захлопнув окно, стал ждать ее появления. Но она не появилась.

Мама ухмылялась, видя, что я часами разглядываю дом напротив, вместо того, чтобы идти гулять.

— Что, плохи дела? — спрашивала она время от времени.

Пораженный, я подсакивал, бормотал что-то неопределенное и снова занимал свой наблюдательный пост. Я думал только о своей возлюбленной, и никакие житейские заботы не могли отвлекать меня от мыслей о ней. Я не замечал, что родители посмеиваются надо мной.

Пока я томился от любви, ресторан моего отца потерпел крах. И не потому, что не было клиентуры. Напротив, он всегда был набит битком. Но касса вечно оставалась пустой. Тому были две причины. Во-первых, мой отец обожал венгерскую музыку и выписал прямо из Будапешта оркестр из восьми музыкантов, которым платил по твердым ценам. Кроме того, он нанял чету танцоров, стоивших очень дорого.

— Эти артисты из чистого золота! — сокрушался он.

Второй причиной гибели "Кавказа" был кредит. В заведении моего отца никто, или почти никто, не платил. Студенты, артисты, многочисленные друзья, вечные нахлебники постоянно приходили, набивали свои желудки, подписывали счета и исчезали.

Однажды дома старый друг моего отца укорил его за чрезмерное попустительство:

— Это приведет тебя к разорению.

— Возможно. Но если мы не поможем бедным людям, кто им поможет? — вмешалась моя мать.

— Когда-нибудь вся эта молодежь превратится в адвокатов, врачей, инженеров, — мечтал отец, — и тогда они придут и оплатят свои счета.

— Господь велик и милосерден, — подхватывала мать, — и когда-нибудь он поможет нам.

Разумеется, Бог не считал возможным оказать содействие семье Азнавурян. И потому в 1930 году в результате экономического кризиса, плохого руководства и огромного количества непоплаченных счетов после долгой агонии "Кавказ" испустил дух.

В день закрытия ресторана отец упаковывал все то, что должен был забрать домой. В этот момент на пороге появились два студента-эфиопа.

— Мы пришли заплатить по своим счетам.

— Не стоит, ребята. Оставьте себе свои денюжки, они вам пригодятся.

Но студенты настояли на своем и положили деньги на стойку. Они были единственными, эти два студента, кто пришел расплатиться с отцом и оправдать его доверие. Возможно, именно из-за них он долгие годы мечтал совершить путешествие в Аддис-Абебу.

От "Кавказа" осталась только набор кухонных ножей. Это все, что отец смог сохранить. Остальное было продано, ликвидировано.

Я бросаю последний взгляд в окно дома напротив. Она там, хорошенькая, улыбающаяся. Она смотрит в мою сторону, и сердце мое колотится сильнее. Я не увижу ее больше. Моя мать берет меня за руку и увлекает на лестницу.

— Торопись-ка ты лучше, чем все время разглядывать небо.

Мы переехали. Мы покинули квартиру, ставшую для нас слишком дорогой. У нас не было больше денег, я это знал. Мой отец говорил об этом маме. Меня эта новость совершенно не огорчила. Напротив, я испытывал даже некоторое ликование.

Я пойду на улицу просить милостыню вместе с Аидой и больше не буду ходить в школу.

Продолжение следует

Шарль АЗНАВУР

АЗНАВУР ОБ АЗНАВУРЕ

Главы из книги

фантазия сократить свою фамилию на две последние буквы "ян", то уж по оставшейся части там ни за что не угадать его происхождение. Балтазарян станет Балтазаром, Азнавурян — Азнавуром. Но так бывает не часто. Мало кто из армян стремится сменить фамилию. Никто не торопится приспособиться, никого не мучает ложный стыд за свое происхождение. Фамилия идет от предков, и потому хранить ее надо как реликвию.

Почему же я поступил иначе? Фамилия моя нелегко произносится и еще труднее запоминается. В начале своей карьеры Азнавур легко превращался то в Абнавура, то в Анзадура. Представьте себе на минутку Азнавуряна, да еще Шарля. На афише это выглядело бы слишком растянуто. А ведь я еще счастливо отделался. Останься я Шаануром Азнавуряном, моя карьера была бы разбита, не успев начаться!

Причем здесь афиша? Да просто я всегда был убежден, что нет для меня иной профессии, кроме профессии певца.

Я был рожден, чтобы петь. Существуют призвания, которыми человек отмечен еще в утробе матери.

В иные дни маленький Шарль, держа бутерброд в руке и вытаращив глаза, замечал, как его родители внезапно покидало спокойствие, и они превращались в два неистовых и очень возбужденных существа.

То были редкие случаи, когда, оставив дела и забывшись вместе с другими любителями домашних спектаклей, они репетировали комедии, драмы и даже оперетты. Конечно, из-за сильного акцента, а также из-за довольно условного французского языка, артисты выступали на армянском. Представления устраивали то в Доме ученых обществ, то в Мюзюалите, то в Иенском зале.

Еще до того, как стать белошвейкой и поваром, мои родители были актерами.

Вместе с друзьями такими же, как и они, эмигрантами, мать и отец играли в спектаклях ради простого удовольствия. Ни малейшей выгоды они из этого не извлекали. Совсем напротив!

Не забывайте, что они репетировали по пятнадцать дней кряду только для того, чтобы сыграть один-единственный раз. А стоимость билета на спектакль была так мала, что исключала всякую конкуренцию. Большое количество билетов раздавалось бесплатно. Кроме того, значительная часть билетов продавалась в кредит и зачастую так и оставалась неоплаченной. Каждый принимал посильное участие в подготовке спектакля. Костюмы готовились дома. Мужчины мастерили реквизит, женщины готовили съестные припасы. Не знаю отчего, но в восьмидесяти из ста играемых армянами спектаклей зрители непременно оказывались свидетелями какой-нибудь трапезы.

будь из расставленных на нем блюд под возмущенные возгласы сознательных. Но это никого не останавливало. В наступавшей затем по ходу действия сцене банкета в тарелках уже не оставалось почти ничего, и артисты только делали вид, что едят.

За кулисами можно было видеть, как какой-то тип топает ногами и, рыча, рвет на себе волосы. Это режиссер. Дело в том, что увлеченные игрой актеры сплошь и рядом изменяли текст, фантазировали, а иногда и забывали свои реплики. Суфлер, сидя в своей яме, лез из кожи и надрылся так, что зрители, более спокойные, чем актеры, слышали его гораздо раньше. В конце вечера, пока женщины складывали костюмы, мужчины вели расчеты.

— Было столько мест, — говорил один. — Ты продал столько-то билетов.

— Он принес столько-то непроданных билетов, — считал другой, — то есть на такую-то сумму.

Но как ни верти, дело всегда кончалось убытком. Потому что актер, продавший столько-то билетов, всю предшествующую спектаклю неделю жил в таких тяжелых условиях, что оказывался вынужденным черпать деньги из общей кассы, чтобы прокормить семью.

Проклятия, жалобы, угрозы, оскорбления нарастали и, чтобы как-то покончить с этим, каждый, ворча, начинал рыться в своих карманах. Бывало, если уж очень не сходились концы с

наведаться к друзьям и предлагал организовать новую постановку "на прочной основе". Репетиции возобновлялись на квартире то одного, то другого, и все начиналось сначала.

Я любил этих актеров, этих музыкантов, этих волшебников, падавших от усталости на протяжении целой недели репетиций и оживавших на подмостках в воскресенье. Они играли ради удовольствия играть, ради удовольствия ощутить единение с публикой. Все это отдавало кустарщиной, но в конечном счете актеры стремились лишь к одному: вырваться хоть на время из унылости окружавших их будней. На несколько часов представления они становились королями, принцами и погружались в совершенно иной мир.

Это там я увидел и почувствовал мир кулис и подмостков, там я приобщился к мечтам и чаяниям, живших в сердцах этих людей. Я любил и всегда буду любить тех, оставшихся для меня в ином времени актеров-любителей, чьи талант и увлеченность коснулись моего голоса, проникли мне в сердце и обогатили мои воспоминания: ведь именно от них получил я все необходимое для своего будущего.

Отец стал наконец владельцем собственного ресторана.

— Я назову его "Кавказ", — объявил он. — В нем будут подаваться русские блюда. Русские сейчас в моде. Париж просто околдован славянской красотой. Русские таксисты неподражаемы. Они гонят на машинах так, как некогда крепостные мчали их на тройках. Все они — бывшие графы и князья. Они будут привозить к нам в ресторан тех, кто захочет окунуться в русскую стихию.

Чтобы осуществить свою мечту, отцу пришлось работать как каторжному, да к тому же продать драгоценности и семейные реликвии, имевшие кое-какую ценность. В результате удалось собрать нужную сумму, и даже еще остались деньги, позволившие нам сменить квартиру.

Наконец-то мы поселились в меблированной квартире, в доме семьдесят три по улице Сен-Жак. Квартира находилась на шестом этаже и состояла из гостиной, двух спален и темной кухни. Из моего окна видны Сорбонна и трамвай, сворачивающий на улицу Эколь. Поворот был очень крут. На столько крут, что в один прекрасный день трамвай с невообразимым грохотом завалился набок.

Как и все жители квартала, я бросился к окну. И вот тогда, в тот миг я пережил свое первое сильное волнение, первый толчок в сердце. Взоры всех были устремлены вниз, на перевернувшийся трамвай. Зрители волновались. Одна за другой подъезжали машины скорой помощи. Толпа звала, полицейских и пожарников росла на глазах. Но я ничего этого не видел. Взгляд мой был прикован к балкону соседнего дома. Там стояла незнакомая девочка. Склонившись вниз, она наблюдала за